

Посвящается Хилари

Предисловие

На первый взгляд у трех главных героев этой книги нет почти ничего общего. Феликс Керстен — упитанный бонвиван, знаменитый — даже скандально знаменитый — как личный массажист массового убийцы, главы СС Генриха Гимmlера. Гимmlер ласково называл его Кудесником-Буддой. Айсинь Гьоро Сяньюй, она же Цзинь Бихуэй и Дунчжэнь (Жемчужина Востока), но больше всего известная под своим японским именем Ёсико Кавасима — маньчжурская принцесса, которая носила мужское платье и была шпионкой японской тайной полиции в Китае. Фридрих, Фредерик или Фрейк Вайнреб — хасид, иммигрировавший в Голландию, который брал деньги у других евреев, якобы чтобы спасти их от депортации в лагеря смерти, а в итоге сдал некоторых из них немецкой полиции.

В мае 1947 года Вайнребу грозил приговор за его деятельность во время войны. Приземистый, сутуловатый, в очках с толстыми линзами, он напоминал толкователя Талмуда, бесконечно далекого от мирских забот. Защитники Вайнреба видели в нем современного Дрейфуса, еврея, ставшего козлом отпущения за преступления гоев. Некоторые евреи, пережившие войну и знавшие Вайнреба во время оккупации, считали его безжалостным мошенником, который сотрудничал с гестапо. Сам Вайнреб предпочитал сравнивать свою историю с хасидской волшебной сказкой.

Дело Ёсико Кавасимы в октябре 1947 года вызвало гораздо больше шумихи. Здание суда заполнили толпы зевак, желавших поглазеть на “восточную Мату Хари”. Из-за столпотворения в зале судьи были вынуждены перенести заседание во двор здания, куда ломились еще тысячи любопытных. Некоторые на свой страх и риск устраивались на ветках соседних платанов. Дела местных торговцев арбузами и тофу в те дни пошли в гору.

Кавасима предстала перед судом с короткой мужской стрижкой, в свободных фиолетовых брюках и белом свитере поло. Ее обвиняли в предательстве родины — Китая, создании частной армии в поддержку японского вторжения в Маньчжурию и в шпионаже в пользу японцев в Шанхае. О ее любовных связях с высокопоставленными японскими военными и безумных самурайских выходках в оккупированном Китае в шокирующих подробностях писали все газеты. Все, в чем она обвинялась, происходило в 1930-е годы, когда японские войска зверствовали в Китае.

Самое необычное в деле Кавасимы было то, что источниками многих обвинений против нее послужили фильмы, романы и другие художественные материалы, созданные во время войны японскими пропагандистами и охотниками за сенсациями, часто при полном ее содействии. Кавасима была отчасти вымышленным персонажем. И однажды утром из-за этой причудливой смеси вымысла и фактов она окончила свои дни, отправившись на расстрел в Пекине.

Массажисту Гимmlера Феликсу Керстену обвинения никогда не предъявлялись. Он родился в Эстонии, но получил гражданство Финляндии. А значит, он не был предателем родины, потому что Финляндия сотрудничала с нацистской Германией и перешла на сторону антигитлеровской коалиции лишь в конце войны. Однако Керстен, безусловно, был коллаборационистом. Конечно, то, что он, массажист и наперсник убийцы и идеолога геноцида, заботился о психическом и физическом здоровье своего подопечного, пред-

осудительно, но вряд ли считается военным преступлением. Большая часть легенд о Керстене возникла после войны, когда он превратил свое прошлое в историю отважного сопротивления, заявив, что использовал свое уникальное положение в свите Гимmlера ради спасения миллионов невинных.

Все трое были *Hochstapler*. Изначально так по-немецки называли попрошайку, который, попав впросак, строит из себя аристократа. На русский язык *Hochstapler* переводят, как правило, “аферист”, “самозванец”, “мошенник”. Все трое в каком-то смысле напоминают знаменитого литературного *Hochstapler* XVIII века — барона фон Мюнхгаузена, по словам которого среди прочих подвигов он путешествовал на Луну, летал на пушечном ядре и одолел гигантского крокодила. Все трое были такими прекрасными рассказчиками, что даже в самые невероятные их истории многие верили еще долго после войны. В случае Керстена это касалось и весьма уважаемых историков.

Как справедливо указывал кто-то из сторонников Вайнреба, подлоги, поддельные имена, легенды и прочие формы обмана — неотъемлемая часть культуры военного времени. Участники Сопротивления в оккупированных странах брали вымышленные имена. Уловки составляли сущность их деятельности. Но то же самое отличало и режимы, с которыми они боролись. Диктатура управляет при помощи террора и пропаганды. Ложь, которую регулярно повторяют, становится правдой. Кто это сказал, Йозеф Геббельс или Владимир Ленин?* Теории заговора и прочие мифы множатся, когда точной информации не хватает — либо потому, что правду скрывают, либо потому, что говорить о ней в открытую слишком опасно. Войны — но далеко не только они — создают идеальные условия для патологических лжецов, аферистов, авантюристов, которые проживают реальную жизнь, играя вымышленные роли.

* Обоим цитата приписывается ошибочно. (Прим. перев.)

Многое, что связано с тремя действующими лицами этой книги, пугающе актуально, особенно в тот момент, когда типичный *Hochstapler* из реалити-шоу становится президентом США, когда важнейшие факты отвергаются как фейки, а масса людей верит в интриги и заговоры, без конца возникающие в коллективном воображении интернет-пользователей. Вайнреб, Керстен и Кавасима пользовались успехом во время Второй мировой войны, но легко могли бы быть и аватарами в эпоху социальных сетей. Иными словами, военные реалии куда ближе к нашим, чем кажется.

Я вырос в атмосфере небылиц, мальчишеских баек, фильмов, пафосных надгробных речей и предвзятых личных воспоминаний, из которых складывался заведомо мифический образ темных военных лет, предшествовавших моему рождению. В некоторых странах на этом строилась государственная политика. Руководя глубоко травмированным обществом, где ожесточение, обусловленное тем, как люди поступали во время войны — как коллаборационисты, так и участники Сопротивления, — легко могло вылиться в гражданскую войну, генерал де Голль использовал свой авторитет одного из первых участников Сопротивления, чтобы создать образ “вечной Франции”, чьи граждане стойко противостояли немецкому врагу. Он утверждал, что эту “вечную Францию” освободил ее собственный народ, ее собственная армия, “при поддержке и помощи всей страны” — и да, разумеется, приходилось признать как бы невзначай — “не без помощи наших дорогих могущественных союзников”. Это был, если угодно, миф, вымысел, обман.

Во Франции, возможно, это был неизбежный обман. Я родился в Нидерландах, куда Вайнреб эмигрировал из Львова в 1916 году и где Керстен жил в радости и достатке до 1940-го и после 1945 года. Нидерландам гражданская война не грозила. Но миф об общенациональном Сопротивлении во времена моего детства был распространен не меньше, чем во Франции. Возможно, в этом тоже была

своя необходимость. Оккупация — унижительный опыт. Когда Нидерланды сдались более сильной германской армии в мае 1940 года, страну словно оскопили (современному читателю это слово наверняка покажется устаревшим). Расхождение во времена моей юности истории Сопrotивления были способом пережить это унижение, восстановить национальную гордость, пробудить патриотизм, поднять самооценку и ощутить себя народом отважных героев. Несомненно, подобный — столь же обманчивый — процесс происходил во всех странах, которые были в оккупации.

Ни в одной стране правда о военном прошлом не вызывала столько споров и вопросов, как в Японии. Ёсико Кавасиму вспоминают в японском кинематографе, мюзиклах, мангах, романах и исторических книгах скорее как фигуру трагическую, нежели достойную порицания. Вина порождает не меньше мифов, чем достижения.

Зловещие *collabo*, как их называли во Франции, были неотъемлемой частью национальных нравоучительных историй конца 1950-х. Без сатаны Бога не бывает. Мы знали, что активно сотрудничавшее с врагом меньшинство совершило смертный грех. Они стали падшими, символом морального разложения, их преступления должны были оттенять блистательную добродетель отважного большинства. По-голландски участников Сопrotивления называли *goed* — “хорошими”, “достойными”, а коллаборационистов — *fout*, “неправыми”, причем не только политически, а нравственно. Это были абсолютные категории. Ты либо хороший, либо нет. Без компромиссов.

Обратные мифы, которые сносили фасад послевоенных заблуждений, появились лишь лет десять спустя. В новых историях, романах, фильмах, телепрограммах рассказывалось — поначалу осторожно, потом все смелее и смелее, по мере развития протестных движений 1960-х годов, — что обще-

ство вело себя отнюдь не так героически, как нас уверяли. Нас вдруг осенило, что простые нравоучительные рассказы о борьбе добра со злом в сложном контексте Сопrotивления и коллаборационизма изнасились и стали неуместными.

Сопrotивление привлекало людей по самым разным причинам. Кто-то вступал в движение из чувства морального долга, продиктованного религиозными или политическими убеждениями, кто-то — из обычной (или не такой уж и обычной) порядочности. Другие, отнюдь не обязательно менее порядочные, жаждали приключений. Третьих привлекали риск и насилие. Насильственные акции были чреватые серьезными последствиями для других людей — не столь склонных к авантюрам, но тем не менее ставших жертвами жестоких репрессий. Поэтому участников Сопrotивления в послевоенное время часто романтизировали, когда прошло уже много лет после их подвигов, приносящих порой больше вреда, чем пользы. Как бы то ни было, активные участники Сопrotивления в любой стране были меньшинством.

Сотрудничали с нацистами тоже по самым разным причинам. Порой наиболее суровая кара после войны постигала самых безобидных нарушителей, например женщин, которые были любовницами оккупантов. Одних толкала в их объятия страсть, других — одиночество, амбиции, тяга к хорошей жизни, кого-то, быть может, даже любовь, но мало кто руководствовался глубокими идеологическими убеждениями. От чувства национального унижения, особенно терзавшего мужчин, глумливая толпа измывалась над этими женщинами: их с позором прогоняли по улицам, обривали головы, изваливали в грязи, их оплевывали и даже насиловали. Безжалостные лица такой ликующей толпы знакомы нам по множеству картин, изображающих путь Христа на Голгофу. То, что из трех героев этой книги казнили за ее действия только Ёсико Кавасиму, не в последнюю очередь объясняется именно яростью этих эмоций.

На совести многих коллаборационистов были преступления куда страшнее интимной связи с неприятелем. Оккупационные армии и преступные режимы неизменно предоставляют самым разным людям из темных закоулков общества шанс пробиться к власти и с мстительным удовольствием отыграться на других: бездарные художники становятся цензорами; мелкие преступники выслуживаются до высоких чинов и управляют тюремными лагерями; лишённые лицензий адвокаты, продажные чиновники, врачи с сомнительным прошлым и маргинальные политики могут стать новой элитой и пользоваться всеми атрибутами своего положения при иностранной тирании. Именно поэтому годы фашизма были идеальны для *Hochstapler*, выдумщиков, попавших в мир вымысла и насилия. И, разумеется, у них появилось множество способов нажиться на чужих бедах.

Однако не все коллаборационисты были гангстерами, мошенниками и продажными оппортунистами. Мэры городов держались за свои кресла, убеждая себя, что отставка наверняка лишь откроет двери преемникам похуже. Владельцы фабрик сотрудничали с режимом, чтобы их предприятия не конфисковали; в конце концов они смогут заявить, что обращались с рабами из концлагерей лучше любого нацистского чинуши. Адвокаты и судьи принимали нацистские законы и директивы, якобы руководствуясь верховенством права. Чтобы заглушить совесть, они утешали себя мыслью, что сама природа этого права им неподвластна. Что же до покупателей и продавцов захваченной собственности или тех, кто оказывал новой власти всевозможные услуги, — что ж, кто-то же должен был поддерживать экономику на ходу.

Но были и те, кто считал, что новая Европа под руководством Германии выставит мощную оборону перед угрозой двух бóльших зол — “еврейского коммунистического заговора” и “еврейско-американского капитализма”. Те же угрозы, только, как правило, без одержимости евреями, легли в основу аналогичного братства в Азии, где

японская империя развязала ожесточенную кампанию освобождения соседних азиатских народов от коммунизма и заодно от западного империализма. Японская оккупация Китая и других азиатских регионов открыла путь таким же преступникам, разочарованным идеалистам, неудачникам, потерпевшим поражение в обществе и в ремесле, мстительным извергам, мошенникам, бизнесменам и прочим оппортунистам, как те, что орудовали в Европе под гитлеровским флагом. Но так же, как с немцами сотрудничали те, кому сталинизм представлялся худшим из зол и кто при советском режиме страдал от лишений и унижений, так и некоторые видные деятели в Азии сотрудничали с японцами, искренне желая освободить свои страны от гнета западного колониального правления.

Никто из троих героев книги не вписывается ни в один из этих типажей. Мало кого из коллаборационистов или деятелей Сопrotивления можно свести лишь к одному из них. Люди, даже коварные или малодушные, гораздо сложнее. Но в крайне самобытных историях жизни Керстена, Кавасимы и Вайнреба присутствует то, что объединяет многих коллаборационистов: жадность, идеализм, жажда острых ощущений, тяга к власти, оппортунизм и даже убежденность, причем порой уместная, что в некотором смысле они творят благо.

То, что коллаборационизм и Сопrotивление нельзя втиснуть в рамки поучительных сказок о добре и зле, не подразумевает, что эти качества всегда распределяются равномерно. Зло можно причинить из лучших побуждений, а добро порой творят и дурные люди. Нравственные суждения нужно выносить, взвесив все. Даже находясь в свите маскового убийцы, Феликс Керстен, разумеется, совершал благие поступки. Но насквозь порочен не был ни один из троих героев книги. Все были самыми обычными людьми — особенно в своих слабостях. Эти слабости можно наблюдать сегодня у многих публичных фигур. Поэтому я решил напи-

сать о них и тем самым поразмышлять на тему коллаборационизма: человеческие слабости интереснее праведности и героизма, быть может, потому, что себя легче представить грешником, чем святым.

Эти люди заинтересовали меня еще и своим непростым происхождением. Балтийский немец Керстен сначала был гражданином Финляндии, а потом, после войны, Швеции; в разное время ему довелось жить в Гааге, Берлине и Стокгольме. Кавасима родилась в Китае в семье маньчжурского принца, а воспитывалась в Японии в семье японского ультранационалиста. Вайнреб переехал с родителями из Львова в Вену, а оттуда в голландский морской курортный город, где он и вырос. Умер он в Швейцарии, где, бежав от голландского правосудия, стал почитаемым носителем религиозной мудрости, которую почерпнул из замысловатых толкований Библии.

Поскольку вопрос Сопротивления и коллаборационизма играл столь значительную роль в патриотическом воспитании моего поколения, напрашивается соблазнительный вывод, будто космополитическая среда или смешанное происхождение непременно приведет к конфликту лояльности. Но не следует поддаваться этому искушению. Лояльность в отношении разных господ не всегда сопряжена с противоречиями. А чрезмерный патриотизм часто свойствен людям с неоднородным происхождением, возможно, из-за убеждения, что им нужно доказывать лояльность одной из сторон. Является ли он зовом сердца или результатом общественного давления — вопрос, на который невозможно дать универсальный ответ. Не всякий и сам на него сможет ответить.

Но запутанные судьбы живших в разных странах Керстена, Вайнреба и Кавасимы сыграли определенную роль. Воспитанные в неоднородном культурном и национальном контексте, они оказались в сложном водовороте мировых событий. Неустойчивая многослойная идентичность порой порождает великое искусство, но чревата и более зловещими